



Никита Семин

СЫН ПОМЕЩИКА 8

Никита Семин
Сын помещика 8

«Автор»

2026

Семин Н.

Сын помещика 8 / Н. Семин — «Автор», 2026

Роман становится все более известным и нужным среди аристократии уезда и других влиятельных лиц. Но это несет не только новые возможности, но и новые вызовы. Чем выше забираешься - тем больнее падать при неудаче. Да и врагов нажать легче, случайно оступившись. Вот только поставленная цель требует не стоять на месте, а двигаться вперед.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 11 |
| Глава 3 | 18 |
| Глава 4 | 24 |
| Глава 5 | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

Никита Семин

Сын помещика 8

Глава 1

25 сентября 1859 года

Гости ресторана оживленно перемещались по залу. Большинство уже подошло к накрытому «шведскому» столу и утоляли голод. Все же не первый час здесь находимся. А к нам с Анастасией целенаправленно двигался Василий Емельянович Губин. До этого мы пересеклись с ним лишь раз, и капитан-исправник намекнул, что очень желает поговорить со мной после завершения состязания. Вот и послушаем, что он хочет мне сказать.

— Роман Сергеевич, поздравляю ваш род с прохождением во второй тур, — улыбнулся мужчина, оказавшись рядом. — Впрочем, этого следовало ожидать. Все же идея была ваша. А я уже успел понять, что в заведомо проигрышные дела вы не ввязываетесь.

— Откуда такая уверенность? — поднял я бровь.

— В том, что идея ваша? — усмехнулся полицейский. — Так это не секрет. Софья Александровна и не скрывала, что это ее племянник предложил в тесном кругу соседей провести подобное мероприятие. А она только расширила ее масштаб. Или в том, что вы не ввязываетесь в заведомо проигрышные дела? Тогда просветите меня, в чем я не прав? Что-то не приходит на ум ни одно такое, даже когда вам активно пытались помешать.

Губин был доволен собой, словно кот объевшийся сметаной. Но я не понимал, с чего он тут мне дифирамбы петь вздумал.

— Благодарю за лестные слова, но вы ведь не просто так подошли?

— Есть такое, — легко согласился Василий Емельянович. — Вы помните о моем предложении? Оно все еще в силе. А ведь я тоже ваш сосед.

Намек более чем понятный. Ведь мы предложили помериться у кого «торт лучше» и Уваровым и даже Беловой, но «забыли» про Губина. То, что Свечину не предложили — оно и понятно. После недавних событий у нас неприязнь. И капитан неявно спрашивал — он тоже входит в список наших потенциальных «врагов» или это была ошибка? Не привыкли к его статусу и тому подобное.

— Чаше бывайте на своих землях, — улыбнулся я ему, — а то соседство ваше получается каким-то... формальным.

— Увы, служба, — развел он руками. Из этого раунда мы вышли «вничью». Я вроде его и послал, но при этом выставил так, что он сам виноват. Потому Губин поспешил сменить тему. — Интересно вы пиджак носите. Что случилось, что вы стали держать при себе оружие?

— Царицын оказался опасным городом, — пожал я плечами.

— Такое бывает, — медленно протянул он. Наверняка сейчас лихорадочно обдумывает, что у меня там произошло. — Я хорошо управляюсь с оружием. Могу дать несколько уроков. Вы уж простите, но я помню, как вы стреляли на дуэли. Будь у вас чуть больше опыта, то вы бы так не волновались перед ней. А удача — дама ветреная.

— Мне уже пообещал помочь в этом деле Владимир Михайлович, — вежливо отклонил я предложение Губина.

Тот задумался. Я уже несколько раз его «послал» не оскорбляя. Тут тупым надо быть, чтобы не понять намеков — видеть капитана среди своих друзей или просто союзников у меня душа не лежит. А Василий Емельянович не тупой. Упорный и хитрый — да, но не дурак. Однако и не уходит, видимо сильно его прижало, раз до сих пор пытается найти в моем лице союзника.

— Владимир Михайлович безусловно опытен, и если вы собираетесь поступать в военное училище лучшего наставника не найти... — протянул он наконец, заодно прощупывая мои ближайшие планы.

— Нет, учебы с меня пока хватит. Да и не было у меня никогда желания идти по военной стезе.

— Тогда если вам нужен наставник именно по самообороне, то смею заявить, что в деле защиты себя от разного разбойного люда я лучше подготовлен. Хотя бы в силу своей должности и специфического опыта службы на ней.

— Василий Емельянович, — решил я говорить напрямую, — что вы хотите?

— Я же уже сказал? — удивился он.

— Сформулирую по-другому, для чего вы так настойчиво ищете моего общества? Василий Емельянович покосился на любопытную мордашку Насти.

— Анастасия, могу я попросить тебя принести бокал вина? — обратился я к невесте.

Та понятливо кивнула, с недовольством покосившись на Губина. Когда мы остались одни, даже чуть отодвинулись от остальных гостей, капитан наконец стал более откровенным.

— Благодаря вам, Роман, Алексей Петрович сейчас «на подъеме». А мой покровитель и дальний родич лежит в могиле.

— К смерти князя я не имею отношения, — тут же откестился я.

— Напрямую — конечно, — кивнул мужчина. — Но будем честны, именно вы создали такие условия, что здоровье Григория Александровича не выдержало.

— Не лез бы он ко мне, и дальше бы жил как обычно, — пожал я плечами, заодно проводя параллель между Беловым и Губиным, который тоже настойчиво пытается навязать свое общество.

— Я не обеляю князя, — сдал назад полицейский. — Но согласитесь — худой мир лучше доброй ссоры. Чем я вам так не угодил? Разве я был вашим явным врагом? Нет. Более того, я всегда шел навстречу вашему роду. Вспомните хотя бы случай с вашим прошлым конюхом. Или та же дуэль — я ведь не стал следовать букве закона, хотя мог. Так почему же вы так последовательно меня избегаете? Или я вам напоминаю о ваших промахах одним своим видом? Так будьте взрослее, идти на поводу эмоций — путь в могилу. Яркий пример князя порука моим словам.

— Так чего вы хотите от меня? — спросил я напрямую.

А эти намеки и политеса меня утомили. Не привык я так вести беседу.

— Я уже говорил, но повторю — я хочу войти в долю в любом вашем деле. Людьюми в первую очередь, но можно и деньгами. А главное — я все еще капитан-исправник. И буду им как минимум до следующих выборов. Мои возможности и связи — это тоже капитал. Вы не пригласили меня в свой «кулинарный кружок», хотя сделали исключение для княгини. Ладно, могу понять, что из-за вашей тети это начинание вышло из-под вашего контроля. Но есть же и еще одно дело...

— О чем вы? — нахмурился я.

— До меня дошли слухи, что Софья Александровна усердно ищет землю на берегу Волги. Да еще и в черте города чтобы была. Для чего — пока молчит, но моя интуиция и просто здравый смысл говорят, что без вашего участия здесь не обошлось. Ее поиски могут как ускориться, так и замедлиться. И условия для покупки земли могут быть... разные. Я ведь не зря упоминал о своих связях.

Вот оно что! Губин не понимает, зачем нам земля, но считает, что это будет выгодным вложением. И про свои «пошатнувшиеся позиции» тоже сказал не просто так. Это не только признание слабости, но и намек — он готов активно как сотрудничать, чтобы после ухода со службы иметь свой стабильный кусок хлеба, так и вставлять палки в колеса. Тут может быть как вариант шантажа, так и способ набрать «очки» у тетиных недоброжелателей. Не скажу, что

их в Дубовке много, но и я ведь весь местный расклад пока не знаю. Мало ли, может есть кто и из иных городов. Из того же Царицына.

— Жду вас завтра утром, — ответил я после минутного размышления. — Я узнаю у тети, зачем ей там земля.

Последнее я добавил сразу с двумя целями: и чтобы выгадать себе время на «подумать», и чтобы с тетей посоветоваться. Да и просто сейчас у капитана нет прямых данных, что затея с покупкой земли идет с моей подачи. Точных данных, имею в виду. И я лишь добавил монету в копилку его сомнений своим ответом.

Когда Василий Емельянович отошел, тут же вернулась Настя с бокалом. Правильно она меня поняла, что радуется.

— Кто это был и что хотел?

Я с удивлением сначала посмотрел на нее, а потом вспомнил, что лично с Губиным она не знакома. Может я и рассказывал ей о нем, но встречаться раньше девушке с ним не приходилось.

— Капитан-исправник нашего уезда. Набивается ко мне в компаньоны.

— А ты этого не хочешь, — понятиливо кивнула Настя, но тут же встрепенулась. — А он проблем не может создать?

— Да кто его знает, — вздохнул я. — Если посчитает меня своим врагом, то точно приложит все силы. К тому же с недавнего времени он еще и наш сосед. Потому я ему однозначно и не отказал. Буду думать.

На этом тему мы замяли. Надолго задерживаться после разговора с Губиным у меня желания тоже не было. И так не выспался из-за раннего подъема, потом сразу сюда вот прибыл, поэтому еще с полчаса поблуждав по залу, я предложил Насте поехать домой. Та отказываться не стала. С непривычки тоже устала. А вот мама с тетей уходить еще не собирались. В итоге мы их предупредили, что покидаем сие собрание, и двинулись в усадьбу.

Бричку с Митрофаном тоже пришлось подождать. Сам мужик оказался среди других кучеров, что находились на заднем дворе ресторана. Слуга на выходе тут же уточнил — подать нам извозчика, или мы на своем транспорте. Получив ответ, он же и метнулся за Митрофаном. А тому пришлось бежать до оставленной брички, а затем уже подъезжать к нам.

— А если бы кто стащил из нее вещи? — спросил я мужика, когда мы уже были в пути.

— Дык, какие вещи, барин? — удивился он. — Все ценное вы с собой взяли. А туточки я договорился с местным дворником, чтобы приглядел. За то ему пять копеек дал.

Ну ладно, если так. Без пригляда не бросил, уже хлеб.

— Роман Сергеевич, вас ожидает гостя, — покосившись на Анастасию, сообщил мне на входе лакей Зубовых.

Пожав мысленно плечами, я кивнул ему, что услышал весть, и мы прошли в зал. После чего в моей голове пронеслась лишь одна мысль — вот попал! Сидя в кресле, о чем-то беседовала с Владимиром Михайловичем Пелагея. Даже удивительно, что мужчина решил уделить ей время. Хотя она больше и не служанка, а вольная мещанка, но все равно — Зубов прекрасно знает ее прошлое. Надеюсь, он не собирается с ней изменять тете.

А Пелагея держится хорошо, как для бывшей служанки. Вот и меня заметила вместе с Настей. Взгляд ее слегка дрогнул, но лишь на миг. Потом она взяла себя в руки и поставила чашку с чаем на столик. Тут и Владимир Михайлович нас заметил.

— Как прошло состязание? — спросил он, поднимаясь из кресла.

— Мы прошли в следующий тур, — улыбнулся я. После чего приветственно кивнул девушке.

— Поздравляю, — искренне улыбнулся мужчина. — С вашего позволения, я пойду. Слуги сказали, что баня уже готова. Не хочется Софью с Ольгой задерживать, когда они вернутся.

Когда Зубов покинул нас, я уселся на его место, а Настя встала за моим плечом. Что интересно, Пелагея как поднялась при нашем появлении, так присаживаться и не думала.

— Роман Сергеевич, — косясь на невесту за моей спиной, начала девушка. — Я подумала над вашим предложением и согласна. Маргарита Игоревна тоже не против того, чтобы я вновь стала работать на вас.

Пальчики Насти, что до этого лежали на моем плече, резко согнулись, больно впившись в плоть. А вот ревновать меня не надо. Понятно, что они раньше пересекались с Пелагеей, но тогда и Настя еще не была моей невестой, да и было это пару раз, после чего моя бывшая служанка и вовсе исчезла с ее горизонта. А тут вновь появилась. И я вполне допускаю, что некоторые подробности моих отношений с Пелагеей Насти известны. Либо от мамы, либо еще кто мог постараться. Да та же Кристина Уварова! Помню, как она на одной из встреч «напевала» в уши Анастасии кое-что, чтобы не допустить моего с ней сближения.

— Хорошо, — спокойно кивнул я. — Все подробности я расскажу тебе позже. Я рад, что ты согласилась, но можно было это и в письме рассказать. Не пришлось бы ждать меня.

— Извините, — потупилась девушка, — я подумала, что лучше сделать это лично. Может, у вас возникли бы вопросы ко мне, или вы сразу дали бы мне задание.

— Успеется, — благожелательно кивнул я девушке. — Уже поздно, не буду тебя задерживать.

Пелагея тут же поклонилась и поспешила уйти. Она тоже заметила отношение Насти к себе. Явно не рассчитывала на ее присутствие.

Когда мы остались одни, Анастасия присела в кресло напротив и стала сверлить меня взглядом.

— Что-то хочешь спросить? — вскинул я бровь.

— Да, — поджав губы, кивнула она. — Прошу тебя ответить — зачем тебе твоя бывшая служанка?

— Для работы, — пожал я плечами.

Настя вздохнула и медленно выдохнула, беря себя в руки.

— Я не хочу лезть в твои дела, но ее присутствие... Ты уж не сердись, но мне рассказали, какие у вас были отношения. Думаю, ты понимаешь сейчас мое состояние. Зачем тебе нужна именно *она*? — сделала на последнем слове ударение невеста.

— Все просто, — вздохнул я и вкратце объяснил свои резоны. — Как понимаешь, у нее есть уникальный опыт, которым она сможет поделиться с другими будущими массажистками. Я не хочу, чтобы из-за низкой квалификации работников салон получил дурную славу уже в первые же дни. Потом «отмыться» будет сложнее.

Настя тяжело вздохнула, подумала и поставила свое условие:

— Обучать ее будешь в моем присутствии. Пока я у вас хотя бы.

Я понимал ее ревность и усугублять ее не хотел, а потому легко согласился. Только предупредил, чтобы она не мешала учебному процессу. После этого мы разошлись спать. Стоило моей голове коснуться подушки, сознание тут же покинуло меня. Даже в баню не сходил, день выдался насыщенным и тяжелым.

Анастасия все никак не могла уснуть. День, начинавшийся так замечательно, преподнес для нее в конце огромную проблему. Эта девка... черт бы ее побрал! Правильно Ольга Алексеевна про нее говорила — без мыла пролезть готова в постель к ее Роману. И как все обставлено-то! Вроде как она тут и не при чем. Но сразу же согласилась, стоило Роману лишь пальчиком ее поманить! Даже когда она была дворовой служкой, Ольга Алексеевна рассказывала,

сколько влияния она имела на Романа. Но тогда она хотя бы опасалась его родителей. На нее можно было надавить, или и вовсе продать. А сейчас?

Но самое главное, что не нравилось Насте, и в чем она боялась даже сама себе признаться — эта девка была красивее нее. И на лицо, и фигурой, и грудь... да какая грудь — вымя, как у коровы! Но мужчины почему-то сильно на это ведутся.

Настя чуть ли не зубами вцепилась в подушку от досады. И надавить на Романа не получится, если она не хочет еще дальше отстраниться от него. Было, проходили. Придется терпеть эту пот.скуху рядом с любимым. Сердце девушки сжалось от боли. Ведь не она, а вот эта п. Пелагея! была у Романа первой. Видеть ее, и не иметь возможности хоть как-то уязвить. Хорошо хоть Роман согласился, чтобы она присутствовала при их занятиях по обучению массажу. Иначе бы Настя и вовсе на стенку лезла от ревности.

— Ничего, — сквозь подкатывающие от ревности и обиды слезы, прошептала девушка. — Я добьюсь, чтобы Роман только на меня смотрел!

С такими мыслями она решительно встала с постели и тишком выбралась из комнаты. Где спит ее жених, она уже знала. Ему всегда одну и ту же комнату дает Софья Александровна для ночлега. Осталось туда пробраться незамеченной и напомнить Роману, что для постельных утех у него есть законная невеста, и не надо смотреть в сторону всяких блудниц! Терять-то ей нечего, а дальше усадьбы Зубовых, если ее раскроют, их небольшой «секрет» не уйдет.

Шхуна «Тарантул»

Петр Егорович был мрачен. Он только недавно вступил в должность капитана и тут такая оказия — больше половины личного состава слегла с болями в животе после недолгой стоянки в прибрежном порту для пополнения боеприпасов и провианта. Хорошо хоть судовой врач быстро разобрался, что дело лишь в одной испорченной капусте. Она не была отравлена — просто прошлогодняя. Залежалась и испортилась. Скородубов уже сделал выговор коку, что пустил некачественный продукт в дело, но не один ведь он виноват. Тут и интендант порта, очевидно нечистый на руку, раз закрыл глаза или не стал вдумчиво проверять поставщика, в деле замешан. И его собственный корабельный комиссар недоглядел.

Докладную записку о произошедшем Петр Егорович уже написал, но что в ней толку? Продолжать патрулирование в текущем составе корабль может, но с большим риском для себя. А если бой? Придется вернуться в порт. И сам он тоже выволочку от начальства получит, что допустил такое. Если же кто-то из матросов еще и умрет от диареи, то капитанствовать ему недолго. И иных желающих хватает.

Единственное, что могло спасти репутацию офицера — это выявление врага. Доказать, что была не оплошность его корабельного комиссара, а вредительство на грани измены со стороны интенданта порта, который выдал продукты. Именно на это упирал в своем докладе офицер. Сам корабельный комиссар шхуны тоже понимал, что он первый попадет под раздачу, когда начнется расследование происшествия, а потому полностью содействовал Скородубову. Но у интенданта порта наверняка хватает связей. Эти интендантские крысы, особенно не стесняющиеся класть значительные суммы выданные государем на содержание флота, в первую очередь создают себе надежный тыл, щедро делясь частью наворованного как раз с теми, кто должен проводить расследование. Надеяться на справедливость чиновников местного порта от департамента военно-морских дел не приходилось. Нужен был кто-то, не повязанный в схемах интендантской службы. И единственное решение, которое видел Петр Егорович — объявить о невозможности продолжения несения вахты и вернуться в порт приписки. Туда, где у чинуш, выдавших испорченный провиант, не дотянутся руки.

— А уж там посмотрим, кто кого, — мрачно произнес офицер.

Царицын, салон госпожи Совиной

— Вы чем-то недовольны? — спросила Екатерина Савельевна своего постоянного клиента.

Тот вышел из комнаты, где проводил время с «билетной», почему-то поморщившись.

— Да, — бухнул купец, подойдя к Совиной, которая сидела на диване в холле. — Мне твои девицы наскучивают. Где новые наряды? Ты обещала поговорить с тем мастером, что шил для них предыдущие, и передать мою благодарность.

— Я это сделала, но он отказался, — вздохнула Екатерина Савельевна, постаравшись принять позу пособлазнительней. — И я вас о том предупреждала, Александр Иванович.

— Я сам поговорю с ним, дайте мне его адрес.

— Увы, — развела руками женщина, — он не желает известности. И об этом я вам тоже говорила.

— Плевать, я умею уговаривать людей.

— Это дворянин, — пошла с «kozyрей» Совина, поняв, что купец не отступит. — Вы желаете вызвать его неудовольствие?

— Уж как-нибудь разберусь, — хмыкнул мужчина. — Значит, не скажешь, кто те наряды делал?

— Не могу, — притворно-огорченно покачала головой Совина. — С меня взяли слово и портить себе репутацию, нарушив его, я не буду. И не просите.

— Ну и ладно, — дернул купец щекой раздраженно, — сам его найду.

Мужчина ушел, а по спине Екатерины Савельевны пробежал холодок.

«А ведь найдет», — пронеслась у нее мысль. Александра Ивановича она знала не первый день. Это был очень упрямый человек. И если он решил чего-то добиться, то приложит все свои силы к этому. Как когда-то захотел заниматься международной торговлей, а сейчас имеет уже два корабля и связи в Османской империи и даже в Персии наводит контакты. Потому он так легко и разбрасывался деньгами — что имел их в достаточном для этого количестве.

Совина вспомнила, что купец давал ей тысячу рублей для Романа, которые она обещала передать. Вот только так этого и не сделала. Сначала при их встрече забыла — иное они тогда обсуждали, а потом Винокуров грубо решил оборвать их общение. Настолько грубо, что женщине это не понравилось, и она посчитала эту тысячу — небольшой компенсацией за все те слова, что Роман наговорил ей. Ну и за то, что ей пришлось бы рассказать купцу об отказе парня. Кто же знал, что Александра Ивановича так зацепит отсутствие новых нарядов у ее девочек?

«Когда он найдет Романа, то узнает, что никаких денег я ему не передавала, — новая паническая мысль овладела сутенершей. — И уж держать это при себе не станет. На весь Царичин как воровку ославит!»

Такого она допустить не могла.

«Придется отдать эти деньги, — с горечью поняла она. — И снова идти на поклон и унижаться. Черт, и зачем я вообще пыталась втянуть его в свои дела? Молодой да глупый юнец? Ха! Может и так, вот только уж больно упертый и „правильный“. Не в том месте, где нужно».

Женщина стала лихорадочно соображать, как бы увидиться с Винокуровым в ближайшее время. И желательно — без свидетелей. Единственная, кто ей мог в этом помочь — его невеста Анастасия. К ней-то и решила пойти Совина.

«Завтра, — с огорчением посмотрела она на темень за окном. — Сегодня такой визит точно совершать нельзя».

Глава 2

26 сентября 1859 года

Пробуждение вышло приятным и неожиданным. Сначала я не понял спросонья, почему мне на кровати так тесно. Но потом сонная одурь оставила меня, принеся взамен ощущение женского тела. Со мной под одним одеялом лежала Настя. Одежды на девушке не было. Она закинула мне на грудь руку, уткнувшись носиком мне в плечо. Ноги мои тоже оказались заблокированы ее телом. Обхватила меня как подушку и подгрребла под себя. Безусловно приятно, но когда она успела? А главное — почему я не проснулся? На миг по спине пробежали мурашки — а если бы ночью ко мне пришла не Настя, а убийцы? Так бы я тогда и не проснулся.

Тут девушка поерзала и теснее прижалась ко мне, от чего из головы вылетели все посторонние мысли. Взамен пришло желание вполне определенного характера. Чуть сдвинувшись, я не заблокированной рукой обнял невесту и стал поглаживать ее по спине. Постепенно мои мысли принимали все более игривый характер, а движения стали более раскованными. И вот уже моя рука спустилась ниже, а лицо и шею любимой я стал покрывать поцелуями.

— Роман... — прошептала девушка, не открывая глаз, и улыбнулась.

Через пару минут ее губы потянулись ко мне, и дальше мы повторили свой первый раз. Только сейчас не было того безумства, когда мы забыли обо всем. Все прошло более нежно, спокойно, без спешки и страсти. В итоге на этот раз у меня была некая уверенность, что можно не переживать о незапланированной беременности. Зато разрядку получили оба.

— Ты когда пришла? — спросил я, когда мы полностью удовлетворенные откинулись на подушку.

— Вечером еще. Ты к сожалению уже спал, — с небольшим укором посмотрела она на меня. — И вообще, почему это я к тебе бегаю? Разве это не мужчина должен делать? — ткнула она кулачком мне в бок.

— Я вчера слишком устал, — повинился я.

— Все приходится брать в свои руки, — притворно вздохнула она.

— Какая ты нетерпеливая, — рассмеялся я в ответ.

— Просто не хочу, чтобы ты смотрел на кого-то, кроме меня, — серьезно сказала Настя. Сначала я не понял, к чему это она, а потом вспомнил вчерашний визит Пелагеи.

— Мне никто кроме тебя не нужен, — тут же постарался я развеять ее страхи.

— Вот и помни об этом, — улыбнулась она и снова шутливо ткнула кулачком меня в бок.

— Ладно, пора уже вставать, — поспешил я перевести тему. — Пока нас не застукали с поличным.

Настя выскользнула из кровати, а я залюбовался ее телом. Повезло мне с невестой. Красивая, не глупая и авантюрная. Скучно с ней мне точно не будет. Есть конечно у нее свои недостатки — ее ревность мне не особо нравится, но она ее старается контролировать. Вон как вчера сдержалась, когда Пелагею увидела. Я это оценил.

Когда девушка ушла, я привел себя в порядок и отправился на задний двор усадьбы, чтобы провести свою обычную зарядку.

— Ты сегодня позже обычного встал, — заметил Владимир Михайлович.

— Устал вчера сильно, — пожал я плечами.

— Ну да, мне слуги сказали, что ты даже не помылся. Баня еще не остыла. Попариться не получится, но смыть пот можешь, — махнул рукой в сторону строения мужчина.

Я поблагодарил его за понимание и помощь. А то я не вижу, что из трубы еще курится дымок! Наверняка приказал подтопить баньку, когда узнал, что я не мылся. Поэтому после тренировки первым делом пошел мыться. Пусть и без пара, зато хоть чистым к завтраку выйду.

Когда заходил в усадьбу, в сторону бани уже бежала Настя. Что-то мне подсказывает, что Зубовы в курсе, где она ночевала.

На завтрак мы собрались лишь спустя полчаса. Быстро Настя помылась, однако. Никаких взглядов в нашу сторону никто не бросал, что меня порадовало. Не было ничего в стиле «а мы знаем, чем вы занимались этой ночью». И я даже не понял — в курсе ли мама, что Настя ночевала со мной. Они с тетей обсуждали вчерашний вечер и второй тур конкурса, к которому надо готовиться.

— Ограничений почти не будет, — делилась тетя с мамой. — Только по размеру торта, а в остальном — полная свобода творчества. Еще одно — готовить торт надо заранее. В этом есть своя опасность — если торт получится несвежим, то это скажется на его вкусе.

— Понимаю, — кивала мама. — Но ты предоставишь нам свою кухню? Чтобы из поместья его по раскисшей дороге не везти? Сама видишь, дожди начались, в любой момент может так полить, что тарантас просто застрянет.

— Могла бы и не спрашивать, — улыбалась тетя в ответ. — Наша кухня будет в твоём распоряжении.

Мы с Настей молчали и не вмешивались в их диалог. Девушка поначалу еще косилась в сторону взрослых, а потом расслабилась и к концу завтрака вела себя как обычно. Сразу после приема пицци Владимир Михайлович отправился на службу. Мама утщила Настю пообщаться — все же девушка «официально» к ней в гости приехала. А я попросил тетю о разговоре.

— Не переживай, Роман, — начала тетя, когда мы уселись у камина в кресла, — Ольга не знает о вашей с Анастасией шалости. И слуги будут молчать, я уже отдала соответствующий приказ. Дальше нас это не пойдёт.

— Но до этого они уже распустили свой язык, — хмыкнул я.

— Это мой дом, — спокойно заметила женщина, — должна же я знать, что в нём творится. Иначе — какая я хозяйка?

Логично, и не поспоришь.

— Спасибо, — только и оставалось мне кивнуть, — но позвал я вас не для этого разговора.

— Вот как? — удивилась тетя. — Я вся во внимании.

— Вчера ко мне подходил Василий Емельянович. Он очень удивлен вашей активностью по поиску земли. А до этого он усиленно мне намекал на то, что хочет стать моим компаньоном. В любом деле. И тут — такая активность и без него. Господину Губину это не понравилось, и он просил разъяснить — ему ждать предложения о партнерстве или перейти в «другую команду».

— Вот же мерзавец! — прошипела тетя. — Шантажировать нас вздумал? Ну, я ему устрою «веселую жизнь»!

— Не стоит горячиться, — покачал я головой.

— Ты не понимаешь, Роман, — жарко возразила тетя. — Подобное нужно пресекать сразу. Дашь слабину в отношении одного, так потом остальные как вороны слетятся!

Я вздохнул и попытался пояснить свою позицию. У меня было время подумать о словах Губина. И вчера вечером, когда он нас покинул, и сегодня за завтраком.

— Софья Александровна, вы же понимаете, что большие деньги и влияние требуют защиты?

— Конечно, я же о том тебе сейчас и говорю — нам нужно...

— Дослушайте, — перебил я тетю. — Давайте смотреть правде в глаза — вы уже одна из самых влиятельных аристократок Дубовки. Многим это не нравится, но в целом — это принимают. Причин несколько. Первая — одна «из» — не то же самое, что «самая влиятельная». Вторая причина — ваш муж. Владимир Михайлович имеет и собственный вес в городе, как и некие возможности. Я помню, как он быстро нашел мне «свободных матросов» в деле против князя Белова. Этого хватает, чтобы никто не посмел претендовать на ваше право владеть

театром. Вот только с открытием массажного салона для элиты не только нашего города, но и соседних городов этого может не хватить. Тот же Михайлов, сидящий сейчас в Царицыне, уже облизывался на лесопилку моего рода, посчитав меня легкой добычей. Я сумел отбить его нападки, но нервов и времени он у меня отнял немало. А ведь массажный салон — это куш гораздо более ценный, чем какая-то лесопилка, находящаяся еще и на родовых землях. И театр, и салон в одних руках могут «простить» только тому, за кем стоит сила. Скажите прямо — у Вас она есть?

Я пытливо посмотрел на тетю. После случая с Михайловым всякие розовые очки, которые еще оставались у меня, окончательно спали. Место досуга аристократов, популярное место — а иного у нас и не получится, уж я приложу к тому все усилия — очень лакомый кусок. Я ведь сам расписывал тете его перспективы. В том числе в политическом плане. И я уверен, что не один такой умный. Как можно «притормозить» нас в этом деле? На самом деле — очень легко. Поджечь салон на финальном этапе строительства — как один из вариантов. А еще — кто-то может сам начать строить то же самое, в том же Царицыне. Почему нет? Ведь монополии на идею у меня не существует. Просто пока мало кто из местных понимает перспективы салона, но как только он заработает — осознают в полной мере. И дальше мы сможем удержать первенство только тем, что начали раньше, да такими услугами, которых нет у других. Это если не использовать «административный ресурс». Которого сейчас у нас и нет. И вот к этому я и подводил тетю.

— Допустим, я согласна, что нам нужны союзники, — медленно протянула тетя. Еще бы! Она не дура, просто немного переоценила свое влияние, а я ей указал на это. — Но почему мы должны брать к себе Василия Емельяновича? Не такая высокая он птица, чтобы с ним делиться.

— Прямо в рифму, — усмехнулся я. — А смысл прост. Если мы этого не сделаем, он точно станет нашим врагом. Посудите сами, тетя, из-за нас он лишился своего покровителя — раз. Княгиня Белова больше не будет ему платить за закрытие глаз на некоторые «шалости» ее бывшего супруга — за отсутствием такового. Я уже ударил по его связям и кошельку. Но он пока еще капитан-исправник. И будет им до следующих выборов, если совсем уж где-нибудь не опростоволосится. Что он тоже прекрасно понимает. Вот он и ищет новых покровителей и возможность снова поправить свое финансовое положение. И то, что он пришел к нам — хороший знак. Значит, в его глазах мы чего-то стоим. Но при жестком отказе он своих попыток не оставит, а там может кого и из иных помещиков сподвигнуть повнимательнее присмотреться к нашему начинанию. И тогда проблемы с массажным салоном мы получим еще до его открытия. Даже до его постройки. Но все это можно легко обратить в свою пользу. Я не предлагаю отдавать Губину какой-то большой кусок. Хватит с него и небольших месячных отчислений. Еще и привяжем его полезность к ним. Чем больше он вложит труда — не обязательно ассигнациями, тем больше получит.

— Гладко стелешь, — усмехнулась тетя. — Ты так уверен, что он не предаст?

— Я этого не говорил, — покачал я головой. — Но я думаю, что лучше иметь в партнерах такого изворотливого хитрована, чем во врагах. Вон, как он князя Белова «раскрутил» на деревенку для себя в подарок. Тот перед смертью наверняка себе все локти искусал.

— Хорошо, — кивнула тетя. — И когда ты хочешь с ним встретиться и обговорить условия?

— А он должен сам сегодня прийти, — хмыкнул я.

Ошарашил я ее так, что она тут же начала требовать от меня объяснений — как я вижу процесс сотрудничества с Губиным. И сколько вообще планирую ему платить. Это мы и обсуждали до самого прихода Василия Емельяновича.

Тот заявился в усадьбу лишь к двенадцати часам. Сначала я удивился — обещал ведь утром прийти, а потом до меня дошло. Вчера же воскресенье было, да еще и мы присутство-

вали на статусном мероприятии. В таких случаях дворяне «тусуются» допоздна, а просыпаются дай бог к обеду. Вообще для аристократов нынешнего времени понятие «утро» начинается как раз после двенадцати часов. Это помещики, живущие вдали от «цивилизации», из-за чего у них нет необходимости ложиться поздно, как раз наоборот — надо за своими крестьянами присматривать, привыкли вставать раньше. Муж тети — человек служивый, потому тоже разоспаться себе не дает, а тетя с ним за компанию пораньше встает. Все остальные жители города из высшего света сейчас скорее всего только-только продирают глаза. Потому и винить Губина за то, что пришел поздно, я не могу. Он ведь ориентировался именно на местный бомонд.

— Софья Александровна, Роман Сергеевич, рад, что вы нашли время для меня, — раскланялся с нами капитан.

— Признаться, я пошла на это только из-за Романа, — сказала тетя. — Не буду вам мешать, господа. Если понадобится, скажете слугам, они меня позовут.

На этом тетя откланялась, оставив все переговоры на меня. Собственно, об этом мы с ней тоже договорились. Тем самым она поднимает мой авторитет и показывает, кто в предстоящем деле «главный». Губин не дурак — поймет это. Уже понял, судя по его хищному взгляду на меня.

— Вижу, я все же смог вас заинтересовать, Роман Сергеевич, — протянул капитан.

— Пока — да, но не особо, — охладил я его пыл. — Однако я готов выслушать, что вы готовы сделать для того, чтобы стать партнером в предстоящем предприятии. Не общие слова, а конкретику.

— Для этого я должен понимать, для чего вам земля на берегу Волги, — попытался выведать у меня информацию Губин.

— Раскрывать перед вами свои планы? — поднял я бровь. — Мы только начали разговор, а вы уже так меня огорчаете. А вдруг вы все затеяли только лишь с целью узнать это? Нет уж, я сначала хочу услышать о ваших возможностях, и как Вы видите свое участие в предстоящем деле. Вы ведь говорили мне, что готовы стать компаньоном в *любом* моем предприятии. Вот и раскройте свои карты. Люди? В каком количестве, какими умениями они обладают, на какой срок вы можете их выделить. Ваши связи? А что это за связи? С кем? Какое влияние вы имеете. Мне интересно все. Ведь если вы переоцениваете себя, то и разговаривать нам не о чем.

Мужчина скривился от моих слов. Еще бы! Думал, что я ему тут душу раскрою за «просто так»? Нет уж, такой номер не пройдет. Я закинул ногу на ногу, приготовившись слушать ответ Губина. И если он снова начнет «вилять хвостом», то долго наша встреча не продлится.

Квартира Угорской

— Ты отказалась? — такими словами встретила Пелагею Маргарита Игоревна.

— От чего? — не поняла наставницу девушка.

— От предложения Романа.

— Я вчера ходила в усадьбу Зубовых, — вздохнула Пелагея. — Роман Сергеевич сказал, что позовет меня, когда понадобится.

— Ну ты и... — покачала головой женщина, не закончив фразу. — Ты ведь больше не служанка, а ведешь себя все также. Раз ты ему понадобилась, то не нужно бегать за ним, как собачка. Знать себе цену необходимо! После такого твоего поведения ты думаешь, что получишь хорошие условия от него?

— Но вы ведь сами... — растерялась Пелагея.

— Я сказала тебе соглашаться, а не бежать к нему на задних лапках, как дворняга какая, — жестко пресекла лепет девушки Угорская. — Чувствуешь разницу?

Пелагея потупила взгляд. Ответить наставнице ей было нечего.

— В общем так, — вздохнула спустя пару минут Маргарита. — Теперь уже мало что можно изменить. Если ты откажешь ему, уже дав свое согласие, то только хуже сделаешь. Скажи, а условия твоей работы вы уже обговаривали?

— Нет еще, — замотала головой девушка.

— И то хлеб, — удовлетворенно кивнула Маргарита. — Запомни — это ты ему нужна, а не он тебе...

— Но ведь он сказал, что может обойтись без меня, — снова перебила наставницу Пелагея.

— И что? Это же просто элемент торга, — пожала та плечами. — Чтобы ты сильно нос не задирала. И смотри — он у него вышел. Пелагея, — вздохнула опять женщина, — повторяю — ты больше не служанка. Не крепостная. Ты можешь и должна отстаивать свои права. Да, предложение Романа крайне выгодно тебе. Однако одно дело — трудиться за червонец, и совсем иное — за стольник, да еще с возможностью повышения. Чувешь разницу?

Девушка послушно кивнула, хотя пока не понимала, к чему ведет наставница.

— Вижу, что не особо. Так слушай — когда будете обсуждать оплату за твои услуги, не стесняйся торговаться. В меру, конечно, но все же — не соглашайся сразу на первое его предложение. Старайся его повысить. И когда почувствуешь, что дальше он упрется рогом и ему будет проще тебя послать, чем нанять — вот тогда и останавливайся. Еще и можешь чуть скинуть свои требования. Тем самым ты покажешь Роману, что уже не послушная и безмолвная овечка. Что ты уже достойна иного отношения, а не как к обычной служанке. Он парень умный, оценит это.

— А если он мне сразу откажет, как только я попытаюсь начать торг? — тихо спросила Пелагея.

— Тогда и смысла соглашаться нет, — отрезала Маргарита. — Это будет значить, что при нем ты точно ничего выше должности обычной слуги не получишь. Но он же тебе пообещал место старшей массажистки? А это совсем иной уровень. Когда под твоим руководством оказываются люди, то и ответственность выше и необходимо умение настоять на своем. Поверь, если Роман не дурак, то он тоже будет смотреть — есть ли у тебя такое качество. Вот и покажешь его ему в торге. Все поняла?

— Да, — закивала Пелагея.

— Ну и отлично. Тогда приступай к работе. Сколько там Роман думать будет — нам без разницы. Заодно ты успокоишься, да и знай — если он откажет, то у тебя здесь работа есть. Это чтобы ты уверенней была. Ты не на паперти стоишь, а твердо на ногах. Тебе есть куда отступить, если ничего не выйдет.

Девушка счастливо улыбнулась и побежала в комнату к швейной машинке. Маргарита проводила ее грустным взглядом. Вот бы ей так когда-то кто-нибудь помог. В девушке она видела саму себя и относилась как к дочери, которой никогда не имела или младшей сестре.

Квартира Скородубовых

— Екатерина Савельевна? Здравствуйте, — пропустила за порог Анна женщину.

Совина поздоровалась в ответ и удивленно огляделась.

— А где же ваша сестра? — уточнять, какая именно, она не стала. И так понятно, что речь про Анастасию — теперь ее хоть отличить можно по наличию одного кольца на пальце.

— Уехала в гости, — пожала плечами Анна. — Проходите.

Девушка была благодарна Совиной за знакомство с ювелиром, который взялся за ее обучение. Что она и высказала, когда поставила греть чайник.

— Рада, что смогла тебе помочь, — улыбалась Екатерина Савельевна.

Дамы немного поговорили о ювелирном деле и связанной с ней вышивке, обсудили наряды, после чего Совина перешла к сути своего визита.

— Вот кстати о нарядах. Ты же знаешь, что Роман делал эскизы удивительных платьев. Они так понравились некоторым моим клиентам, что те просто в восторге и хотели бы его отблагодарить. Не подскажешь — он сейчас в городе? Я хочу сама передать ему эти новости.

— Роман дома, в поместье, — покачала головой Анна. — Уехал несколько дней назад, и когда снова посетит Царицын, я не знаю. Он же как ветер — сегодня здесь, а завтра уже его нет, — улыбнулась она.

— Да уж, удивительно легкий на подъем молодой человек, — понимающе покивала Совина.

— Напишите ему, — пожала плечами Анна. — Когда он будет вновь в городе, то уверена — обязательно вас посетит.

— Спасибо, наверное, так и сделаю.

Еще немного посидев в гостях, женщина откланялась. Ее визит окончился неудачно. Но к этому она была готова. Сейчас просто хотела уточнить — где носит мальчишку, из-за которого у нее могут возникнуть неприятности. И раз в Царицыне его нет, придется отправляться в Дубовку. А там уж через Маргариту с ним связываться. Лично идти к парню Совина не хотела. Тут и остатки своей гордости были, да и Винокуров ясно дал понять, что не желает ее видеть. Придется действовать обходными путями. А там уж с помощью Марго она сумеет убедить парня, что нужно выполнить неожиданный заказ.

Разговор с Губиным продлился больше часа. И если поначалу капитан еще пытался говорить расплывчато, то когда я его уже хотел «послать», перестал увиливать от прямых ответов. По итогу он пообещал следующее:

— десять крестьян в мое подчинение в качестве разнорабочих на любой срок,

— три сотни рублей материального вклада в любое дело,

— «официальная крыша» среди разбойного люда — так-то внаглую они бы и сами не стали пытаться «поставить на счетчик» нас, но попытаться завербовать работников и через них ограбить кого-нибудь из клиентов — как пить дать. А Губин гарантировал, что в этом случае быстро найдет таких «лихих людей», но главное — предупредит всех «иванов», что наше дело — любое, какое я захочу открыть в городе — находится на особом учете полиции.

Ну и свою «разведывательную сеть», какую составляли многие десятские в деревнях помещиков, он готов задействовать, если понадобится. Из всего этого набора меня интересовал лишь третий пункт. Выход на местный криминальный мир я уже успел оценить. Даже не в плане использовать их для себя, сколько быстрее выйти «по горячим следам» на моих врагов. Потому взять в долю Губина я согласился. Правда не на процент, а лишь «на оклад».

— Если вас устроит отчисление в двести рублей ассигнациями в месяц, то я готов с вами сотрудничать, — заявил я Василию Емельяновичу.

— Почему не хотите выделить мне процент? — тут же нахмурился он.

— Вложения будут исчисляться тысячами — ваши триста рублей просто затеряются, — пожал я плечами. — Процент тогда выйдет совсем смехотворный. Еще за оскорбление сочтете. Ваши люди пока мне не нужны. Вот когда свои ресурсы у меня закончатся, тогда есть смысл вернуться к этому вопросу. Эти двести рублей — плата за информацию. Вы можете отказаться, и тогда мы с вами расстанемся. Доверия у меня к вам нет. Его нужно заработать. Тетя и вовсе была против, чтобы допускать вас в дело. Но я готов дать вам шанс. Соседи, как никак, — усмехнулся я в конце.

— Что ж... — медленно протянул капитан. — Вы правы, Роман, доверие нужно заработать. Тогда пока на этом и остановимся.

Попрощавшись с Губиным, я пару секунд раздумывал, чем заняться дальше, после чего решил позвать на разговор Пелагею. Надо определиться с форматом нашего сотрудничества — готова ли она отправиться в поместье, чтобы обучать там выбранных мной будущих работ-

ников салона, или придется отказаться от нашей договоренности. Хорошо хоть искать ее не нужно, достаточно просто отправить записку с каким-нибудь мальчишкой в квартиру Угорской. Если ее там сейчас нет, то позже появится. Так я и сделал, после чего пошел искать Настю. Надо ее «подготовить» к приходу Пелагеи.

Глава 3

26 — 27 сентября 1859 года

Пелагея пришла через час после того, как я отправил ей сообщение. Довольно быстро, значит, я оказался прав, и она была у Маргариты Игоревны.

Встретил я ее не в одиночестве, а вместе с Настей. На этом настояла моя невеста. В ответ я потребовал от нее не вмешиваться в наш разговор. Присутствовать — пожалуйста, но не более того. Вот и посмотрю, как она себя вести будет.

Расположились мы в выделенной мне комнате. Занимать общий зал я не хотел. Мало ли кто может прийти к тете, да и она сама может захотеть там посидеть вместе с мамой, а у нас разговор не для всех.

— Присаживайся, — указал я девушке на стул.

Сам я сидел на точно таком же стуле, а Настя расположилась на кровати и сейчас с интересом смотрела на нас. Утренняя «разрядка» весьма благотворно подействовала на нее. Да и мне это помогло не «сползать» взглядом в декольте своей бывшей служанки.

— Итак, приступим, — начал я. — Твои обязанности...

— Прошу прощения, — тихим голосом перебила меня Пелагея. Чем весьма удивила, раньше себе ничего подобного она не позволяла. — Прежде чем вы расскажете, что мне нужно делать, я бы хотела узнать — в каком статусе буду числиться у вас и сколько получать.

А вот это интересно. До этого разговора об оплате не шло, хотя и было понятно, что без денег я ее не оставлю. Откуда такие перемены в ее поведении? Вон и Настя ротик приоткрыла от такой «наглости» бывшей служанки. Хотя вопрос-то вполне нормальный и даже логичный.

— Кхм. Статус... Как я и упоминал — ты будешь обучать массажу выбранных мной из крепостных работниц и работников салона. В случае успеха и если проявишь способности — то потом станешь над ними старшей. Будешь определять график их работы, отвечать за исполнение ими своих обязанностей. Карать и миловать — это будет в твоих руках. Насчет оплаты... Смету будущего предприятия я еще не расписывал, поэтому точной цифры сказать не могу. Но за обучение конкретно массажу ты получишь... — я задумался, прикидывая порядок цифр. — Десять рублей за одного выученного массажиста. Если кроме мастерства самому массажу ты их обучишь правильно себя вести с дворянами и купцами, которые будут основными посетителями салона, то добавлю еще двадцать рублей за каждого, — тут я решил пояснить такую разницу в цифрах. — Мне от тебя именно последнее нужно. Массажу я их и сам могу обучить, просто у меня времени на это может не быть, потому и хочу тебя нанять. Ну и чтобы ты за время их обучения свой авторитет наработала, чтобы потом они тебя охотнее слушались. Работники салона должны уметь молчать — никому и никогда даже в «кругу своих» не рассказывать, что происходит в стенах салона. Должны быть почтительны с посетителями, но четко проводить грань — что они не их слуги. Всегда быть опрятными и чистыми. Следить за своей внешностью. И знать, что при попытке надавить на них со стороны посетителей — если вдруг кто из них перепутает работницу салона с «билетной» — они не должны бояться дать отказ, да еще и мне или тебе сообщить о такой попытке. Пока все понятно?

Видно было по лицу девушки, что загрузил я ее знатно. Я ее не торопил — дал осознать в полной мере, что от нее потребуется.

— Так каков твой положительный ответ? — хмыкнул я через пять минут, когда Пелагея немного пришла в себя.

— Вы очень много требуете, Роман Сергеевич, — выдохнула она. — А если я не справлюсь?

— Тогда не получишь оплаты, — пожал я плечами. — Да и старшей тебя не поставлю.

— И на что мне тогда жить? Я ведь больше не крепостная, сама должна и за угол платить, и еду покупать. Маргарита Игоревна меня обратно может и не принять. Если мы не договоримся, то я просто продолжу у нее работать. А если я у вас месяц отработаю, а вы разочаруетесь? И не заплатите? Куда мне тогда податься?

Да уж, удивительные перемены у девушки. Так рассуждать стала, чего раньше себе не позволяла. Словно повзрослела на несколько лет, а ведь всего-то месяц или чуть больше прошло с момента, как она на вольные хлеба подалась. Вот что ответственность с человеком делает! Если раньше у меня и были некоторые сомнения, что Пелагея может не справиться, то теперь они пропали. При должной мотивации — все у нее выйдет!

— Задаток я тебе выдам прямо сейчас. Через две недели, если будешь не справляться, то отпущу. Уверен, ты сможешь договориться с Маргаритой, чтобы она тебя на этот срок отпустила.

— Тогда я согласна, господин, — кивнула Пелагея.

— Собирай вещи, поговори с Маргаритой Игоревной и завтра утром жду тебя здесь. Мы уезжаем в поместье. Обучать будешь там тех, на кого я укажу. Может, и сама кого назовешь, но спрос за этих людей с тебя будет выше.

На этом разговор с Пелагеей закончился. Было видно, что она сама немного шокирована его окончанием. А точнее тем, что я вообще слушал ее требования, а не жестко отказал. О чем мне тут же и «предъявила» Настя, когда дверь за Пелагеей закрылась.

— Почему ты вообще начал ей что-то объяснять? Ты все еще ее любишь?

— Я ее никогда не любил, — поправил я невесту. — И дело не в чувствах, а банальной логике. Скажи, разве ты бы сама поставила кем-то управлять человека, не способного отстаивать свое мнение? Да его бы подчиненные не слушались! Это был бы не руководитель, а фикция. Поэтому я рад, что Пелагея не безропотно принимала все мои предложения, а пыталась, пусть пока и неумело, сказать что-то в ответ.

— Мне Ольга Алексеевна много чего про нее рассказала, — хмуро заявила Настя. — Эта девка на твоём горбу хочет подняться. А потом бросит, как ненужную вещь!

— На чужом горбу многие хотят подняться, — хмыкнул я. — Я не исключение. Вот и Пелагею беру, чтобы уже на ее «горбу» создать систему обучения массажу. Или хотя бы первоначальных работников натаскать. Не у всех есть задатки к этому делу. У девушки они есть, потому она почти сразу смогла правильно спину мять и до сих пор навыков не потеряла, на что я надеюсь. А если и растеряла, так быстро восстановит. Я меняю свое время на деньги, — пояснял я невесте. — Время, которое мне бы потребовалось на обучение новых работников самому. А то, что тебе моя мама про нее рассказала — дели смело на десять или даже больше. Ольга Алексеевна в отношении Пелагеи предвзята.

— Возвращаться будем, пускай отдельно едет, — фыркнула напоследок Настя.

— Да без проблем, — усмехнулся я. — Мы в тарантасе, а она в бричке — делов-то?

На этом тему мы закрыли, и Настя тут же побежала к маме. Наверняка жаловаться будет. Если так и потом мама начнет меня уговаривать передумать, то проведу для невесты еще один урок — не нужно вмешивать родню в бизнес-процесс только из-за их личной неприязни.

Как бы то ни было, вечером Анастасия вновь прибежала ночевать ко мне. О чем они с мамой говорили, я не знаю, мне не до того было. На заднем дворе с Владимиром Михайловичем я осваивал точность стрельбы. Сожгли примерно два десятка патронов, пока не пришли слуги и не передали просьбу тети прекратить мучать ее уши.

Утром Пелагея, как и было уговорено, пришла с чемоданом своих вещей. Уже обзавестись ими успела, что лично меня радовало. Ящик с патронами перекочевал из брички в тарантас, там был багажный отсек, куда он прекрасно поместился. Ее вещи Митрофан пристроил

сзади брички — те не столько весили, чтобы переживать за центровку транспорта, после чего мы двинулись домой. Наконец-то!

Квартира Угорской

Екатерина Савельевна прибыла к своей давней знакомой первым дилижансом. Время было обеденное, и после снятия комнаты, она тут же отправилась в гости. Медлить не стоило. Зная шебутного Винокурова, тот мог сорваться из города в любой момент.

— Здравствуй, Маргарита, — улыбнулась женщине госпожа Совина. — Давно не виделись.

— И я рада видеть тебя, Екатерина. Проходи.

— Ты одна? Вроде ты говорила, что взяла себе помощницу.

— И сегодня ее лишилась, — усмехнулась Угорская. — Пройдем, расскажу тебе все.

Слушая за бокалом вина рассказ Маргариты, Екатерина Савельевна мрачнела все больше и больше. Не успела! Буквально на полсуток раньше бы приехала, а еще лучше — вчера, и был шанс поговорить с Романом. А сейчас — не ехать же к нему в поместье?

Маргарита тоже заметила настроение своей знакомой и не преминула поинтересоваться, в чем дело.

— Один из постоянных посетителей моего борделя жаждет встретиться с Романом, — не стала ничего таить Совина. — Даже денег ему передал через меня в благодарность за его искусство — так понравились его наряды на моих девочках. Я обещала Роману, что не раскрою тайну его личности, но этот посетитель очень упертый. Либо сам найдет мальчика, либо ждет новых нарядов. Я уже говорила с Романом об этом, но тогда это была лишь просьба со стороны моего посетителя. Роман отказал мне. А сейчас все стало намного серьезнее. Ты не знаешь, когда он вновь окажется в городе?

— Откуда? — пожала плечами Маргарита. — Он может примчаться как завтра, вспомнив о каком-нибудь деле, так и через неделю. Кстати, в воскресенье будет второй тур кулинарного состязания. Его тоже придумал Роман. Может, на нем он появится?

— А что за состязание? — тут же заинтересовалась Совина.

Скрывать что-то о событии местного масштаба, затронувшее почти все дворянство уезда, Маргарита и не думала. И пока она говорила, Екатерина Савельевна судорожно пыталась составить свои планы. Стоит ли подождать до воскресенья? А если Роман не явится? Ведь не он сам представляет свой род. Да и Александр Иванович может в любой момент снова посетить ее заведение, а ее там нет. Мало ли что ему в голову придет? Лучше держать руку на пульсе событий. И с Романом надо поговорить как можно раньше!

— Марго, — доверительно обратилась Совина к швее, — у меня к тебе есть личная просьба. Не могла бы ты устроить мне встречу с Романом? В самое ближайшее время? Ты меня знаешь — в долгу не останусь.

Угорская на несколько минут задумалась. Предложение сутенерши ей было выгодно. Связи у Совиной обширные. А сама Угорская не дворянка, так что и какого-либо большого урона от их использования для нее нет. Зато Екатерина Савельевна уже неоднократно сводила Маргариту с влиятельными и не только людьми, благодаря чему список клиентов у швеи был не только большим, но и весьма «статусным». Это с одной стороны. А вот с другой — Роман ведь может и обидеться, если Маргарита тайно устроит его встречу с Совиной, не раскрывая до последнего момента, с кем надо встретиться. И ладно это, но ведь он поделится своим раздражением с Софьей! А та племянника обожает и из-за помощи сутенерше Маргарита рискует потерять подругу.

— Вот что, — начала Угорская, — я поговорю с Романом, но обещать положительного результата не буду. Получится — тогда все в силе, а если нет — то уж не обижайся. Итог нашего разговора я тебе сообщу.

Такой ответ Екатерине Савельевне не очень понравился, но давить сейчас она не намеревалась. Это был пусть зыбкий, но шанс выкрутиться из щекотливой ситуации, в которую она сама своей жадностью и эмоциями себя загнала.

— Буду ждать твоего сообщения, — кивнула она Маргарите, назвав адрес, где остановилась.

Когда мы подъезжали к поместью, стал накрапывать дождь. Погода вообще в последние дни не особо радовала. Да, в выходные дождя почти не было, но все равно — все чаще и чаще небо было затянуто тучами.

Первым делом, как мы добрались, я озаботился размещением Пелагеи. Комнат для гостей у нас не было, гостевой дом уже поставили, но пока там лишь стены и крышу возвели. Даже полы не постелили, что уж говорить про остальные «мелочи». К слугам ее подселить? Тут сразу два фактора против. Первое — она уже не служанка. Даже если сама девушка была бы не против, мне нужно поднимать ее статус в глазах будущих подчиненных. И второе — мест в женской комнате для слуг не было. Спальное место Пелагеи забрала себе Прасковья — новая помощница Марфы.

Подселить девушку к кому-нибудь из нас тем более не вариант. И так Настю подселяем к Людмиле, а пойти на глупость и заселить девушек в комнату близнецов, временно переведя тех к старшей сестре, как мы делали, когда сестры Скородубовы гостили вдвоем... Ну так я уже сказал — это именно глупость. Выход был один — идти к старосте Еремею, да пускай он ищет свободную комнату на каком-нибудь подворье. Это аристократов к крестьянам не подселишь, а вот обычных мещан — запросто.

Скинув заботу о девушке на старосту и попросив его составить список крестьян по тем критериям, что ему назовет Пелагея, я уже отправился в дом.

Приехали мы к обеду, поэтому почти сразу попали к столу. Вот тут-то я впервые и увидел Прасковью. Застал момент окончания накрывания на стол, когда она выносила последние блюда. А то слышать о ней — слышал, а видеть пока не приходилось. Что сказать? Молодая девчонка моего возраста, угловатая, с жидкими волосами и подростковыми прыщами. Да и фигура у нее еще не оформилась. Груды почти нет, девчонка еще. Наверное поэтому мама ее и выбрала. Уже успела понять, что мне девушки постарше нравятся, да и чтобы у них было за что «подержаться». Тут она угадала, никакого сексуального влечения к новой помощнице Марфы у меня не было и в помине.

Когда обед закончился, я подошел к ней.

— Барин? — испуганно сжалась та, когда я зашел на кухню.

— Скажи, а задумка сделать торт в виде замка — чья?

Мне и правда было интересно. Если это ее идея, то за невзрачной внешностью скрывается очень живое воображение. И она меня не разочаровала!

— Моя, — тихо ответила девочка. — Вам не понравилось?

— Наоборот, — покачал я головой. — А форму замка откуда ты взяла такую?

— Госпожу Людмилу Сергеевну попросила помочь. Она мне атлас свой показала, — прошептала Прасковья.

— Понятно. Хорошо. Скажешь потом, какой торт для второго тура думаешь сделать. Возникнут вопросы — обращайся. Помогу, чем смогу.

Умеет же мама слуг подбирать. Не только внешность учла, чтобы этот вопрос камнем раздора не встал, но и ум с исполнительностью. Хотя внешность — это чисто мамы заморочки.

Дождь на улице как покапал, так и перестал. Звать сейчас Пелагею не было пока смысла. Надо набрать будущих работников, а потом уже с девушкой обсудить формат их обучения. В связи с последним я приказал Митрофану заседлать коня. Надо по остальным деревням про-

ехать, да дать им указание подобрать мне тех самых «будущих работников». Зимой все равно дел у крестьян в разы меньше, чем летом. Сильно противиться и утаивать никого не будут. Это только кажется, что приказал — и крепостные тут же навстречу пойдут. Да, прямому приказу они противиться не станут, если он их жизни не угрожает, но ведь поручение можно и по уму выполнить, и так, что сам не рад будешь своему приказу. Про то, что работников я набираю на постоянную основу, пока говорить не буду. Лишь упомяну, что зимой они от меня плату будут получать в зависимости от того, как покажут себя. А следующим летом столько работников в поле уже и не понадобится — спасибо купленному сельхозинвентарю на конной тяге. Так что спокойно должен пройти перевод части крепостных с барщины на оброк. А как вольную они в 61-м году от государя получают, то наши отношения почти не изменятся. Им же самим будет выгодно и дальше работать в нашем салоне. Уж я о том позабочусь. И по нашему кошельку это не сильно ударит. Прямой налог в виде оброка от них мы перестанем иметь, зато косвенный в виде плодов их труда — очень даже. И платить за обработку своих полей придется меньшему количеству работников, что тоже плюс. В итоге отмена крепостного права конкретно для нашего рода не должна пройти «шокирующим» ударом по финансам. Ведь именно из-за этого сейчас идет торг в верхах между императором и крупными землевладельцами.

Начать я решил с тех земель, что граничат с владениями графа Свечина. В целом все прошло ожидаемо. Старосты первым делом после получения бумаги с описанием качеств будущих работников спрашивали — на какой срок я их забираю. И получив ответ, что только до весны, да еще и платить работникам будут, переведя их барщину в оброк на это время, успокаивались. Правильно я их просчитал. А там уже сами работники по моему предположению не захотят возвращаться обратно в деревню. В городе ведь интереснее.

Объехав все деревни, я возвращался уже со стороны земель княгини Беловой и по пути решил заехать в мастерскую. Причин было две: Аленка давно уже должна была закончить «перевод» создания уникальных кукол на конвейерный метод — это раз, и мне нужно было место под обучение будущих работников салона — это два. Да и добровольные «подопытные», так сказать, тоже нужны. Не в поместье же учебу проводить? А в мастерской второй этаж, где работницы спят, днем свободен.

Кстати, был еще один момент, про который я забыл, а сейчас он всплыл в моей голове — где оборудовать жилье для работников салона. Понятно, что когда его построим, там изначально в проекте этот момент будет учтен, а сейчас что делать? Оставалось лишь одно — вывозить обучаемых из деревень «по частям» — сначала из одной деревни, а как Пелагея их обучит, вернуть их назад и привезти новых учеников из другой деревни.

— Роман Сергеевич, вы наконец-то почтили нас своим присутствием, — снова первой встретила меня Аленка.

Да еще немного ехидно так сказала. Вроде и прямой претензии нет, но тон...

— Ты чем-то недовольна? — вскинул я бровь.

— Нет-нет, я очень рада, что вы пришли, — тут же сдала назад девушка. — Ваше указание выполнено, желаете проверить? — тут же сменила она тему.

— Показывай, — кивнул я.

— Вот смотрите, — тут же повела меня она к столам, которые заняла сама и привлекла к работе несколько мастериц. — Мы до сих пор делаем куклы по тому методу, что вы нам приказали. Уже все полки куклами забиты.

На лавках за двумя столами сидело три девушки. Четвертой, как я понимаю, была сама Алена. На одном столе шел процесс «лепки» — стояли глиняные «шаблоны» в которые девушки вминали опилковую массу. Этим занималась одна мастерица. Вторая за этим же столом обрабатывала получившиеся детали песком и камнем с шершавой поверхностью, вроде такой пемзой называется. Затем детали перекладывали на второй стол, где их третья мастерица собирала в единое целое. Для чего у нее был запас бечевки и опилковой массы. Обмотав

«штырьки» конечностей у куклы, она их вставляла в пазы на теле. Так конечность не вываливалась. После этого мастерица обрабатывала края пазов смесью из смолы и опилок с помощью тонкой палочки. Когда такие «нашлепки» застывали, их тоже обрабатывали пемзой и разрабатывали подвижность конечностей кукле. И как завершающий штрих — четвертая мастерица краской рисовала лицо — глаза, брови, ресницы, да губы подкрашивала, плюс — приклеивала волосы. Все, дальше оставалось куклу лишь «одеть», но это была отдельная статья «расходов». Да и платья для кукол можно разные продавать. Благодаря получившейся подвижности конечностей одеть такую куклу не составляло большого труда.

Аленка не соврала — один стеллаж был полностью завален такими куклами. По размеру они были в пол локтя величиной примерно, а на стеллаже их скопилось уже не меньше трех десятков. Это так, навскидку. А ведь я отсутствовал всего-то четыре дня! К тому же надо вычитать один день выходной, то есть столько кукол девушки сделали всего за три дня! Впечатляющий результат. Вон и Аглая стоит в сторонке и молчит. Вообще старается в мою сторону не смотреть. Ведь Аленка «сделала» ее по всем фронтам! Даже в плане уникальности — ведь при раскрашивании лица все куклы получали некую индивидуальность, и волосы им клеились из разной шерсти. Алена сияла, как начищенный пятак. Ей было чем гордиться.

— Что ж, — протянул я, поглядывая в сторону Аглаи, — свои обещания я выполняю. Поздравляю, с этого момента ты, Алена, будешь старшей мастерицей здесь.

— Благодарю, барин, — еле сдерживая свою радость, поклонилась девушка.

— Это еще не все, — продолжил я. — В ближайшее время мне понадобится ваша спальня... — лица девушек вытянулись, и даже Алена смотрела озадаченно. Но при этом словно проблеск надежды возник в ее глазах.

— Так я прямо сейчас вас провожу, — вскинулась она спустя пару мгновений тишины.

— Ты не так возможно поняла, — усмехнулся я, ведь не просто так сделал паузу. Некий бесенок внутри решил подшутить над мастерицами, вот и все. — Я туда девушек приведу. Много. И так каждый день. И даже парней...

Лица мастериц еще больше вытянулись, особенно после упоминания парней. Ладно девушки — видно барин решил «пустить в загул», но парни?!

— Их там учить буду днем, пока вы здесь внизу работаете.

— А... чему? — не удержалась от вопроса Алена.

— Массажу, — хмыкнул я, решив больше не играть на их воображении. — Завтра все сами увидите. Только потом не мешайте учебе. Все, до завтра.

Уже когда я выходил из мастерской, Аленка догнала меня и тихо спросила.

— Господин, а что такое массаж? И прибавку вы мне сделаете?..

Женское любопытство во всей своей красе.

— Сделаю, — кивнул я. — А массаж... завтра увидишь.

С тем я и покинул их.

Глава 4

28 сентября 1859 года

Проснувшись утром, я впервые пожалел, что нахожусь дома, а не у тети в гостях. Эх, хорошо там было в последние два дня. Точнее последние две ночи. Просыпаться в объятиях любимой девушки — что может быть лучше? У нас так сделать пока не получится. И комнат меньше, чем в усадьбе Зубовых — не затеряешься, и ночует Настя у моей сестренки. Ее пропажу быстро заметят, буквально в первые мгновения. Жаль, но ладно.

Пока я разминался на заднем дворе, ощущая, как тело обдувает холодный осенний ветерок, рядом стучал молотком Корней. Закончив с упражнениями, я подошел к нему. Любопытно стало, чем таким он занимается.

— Вот, господин, — заметив мой интерес, показал результат своего труда бывший унтер. — Как вы и приказали — мишени делаю. Михайло основу выпилил, а я, как видите, все в единое целое собираю.

Ну да, вижу. Мощный брус — основание, чтобы мишень не падала. На него в пазы крепятся ноги макета человека. К ним Корней прибивает торс, а к торсу уже руки и голову. Я глянул в сторону бани, около которой лежала целая стопка деревянных конечностей. Штук по десять каждой и два запасных торса.

— После обеда три мишени будут готовы, сможете начать свои занятия, — добавил Корней, перехватив мой взгляд.

— Это хорошо. Это просто замечательно, — улыбнулся я.

Руки уже чесались прямо сейчас начать, но не буду торопиться. С Владимиром Михайловичем я знатно пострелял. Мне понравилось. А сейчас я буду не просто целиться в точку, а работать по конечностям — как и запланировал раньше. Да не просто так, а с уходом с линии возможной атаки. Ведь у врага тоже может быть оружие. Эх, мне бы толкового учителя в этом деле. Корней тут мне не помощник, он мне сам о том сказал. Придется до всего пока самому доходить.

После завтрака пришла Пелагея в компании старосты Еремея. Встречал я их один. Отец отправился на лесопилку, а мама с Настей занимались с детьми. Учебу никто не отменял, а тех же близнецов неплохо бы подготовить к поступлению в кадетское училище в следующем году.

— Барин, — начал староста, заломив шапку, — не могу я на себя такую ответственность взять — кого вам в ваш салон отрядить. Мужики зароптали, что вы хотите бордель открыть и их дочек да жен туда сдать. Парни, что помоложе, и не прочь в город податься, но тоже грелкой в постели богатых барынь быть не хотят.

— Не понял, — ошалело посмотрел я на него. — Кто там такой дурной, что про бордель заговорил? Ты считаешь, что я бы на такую дурость пошел бы?

— Не казни, барин, — упал мне в ноги Еремей, — да токмо что нам думать? Бабы и мужики молодые и справные на лицо тебе нужны. Будут прислуживать в городе барам всяким. Я когда у Пелагеи про мыссаж энтот спросил, дык она сказала, что раздеваться для того нужно. Моя Дунька как о том услышала, сразу заголосила, что не отдаст кровиночку, Маньку нашу, тебе. Дура баба, что с нее взять? А кады я попытался ее урезонить, то она за сковороду схватилась, да по деревне побежала! Всех на уши подняла! Моя вина, да токмо — что нам еще думать-то?

Ага. То, что его вина, тут он прав полностью. Но вот как он попытался на меня ее переложить — мол, плохо я все объяснил, то это уже хитрость. Не понял меня? Так приди и уточни. А что в итоге получилось?

— Идем в деревню, — мрачно заявил я ему. — Собирай всех. Сам все объясню. А тем, кто посмел подумать, что я такое непотребство решил завести, передай, что я с отцом Феофаном поговорю — пушай он на них епитимью за паскудные мысли наложит.

Не хлестать же мне их плетью из-за дурости? А епитимья в этом времени — наказание, особенно для крестьян, довольно ощутимое. С батюшкой я договарюсь, да он и сам мне навстречу пойдет. Ведь и правда — худое про меня подумали. Разве я давал им повод на это?

Кстати, чтобы не быть голословным, сначала мы с Пелагеей в церковь зашли. Там я уже со священником и поговорил. Обрисовал ему подробно всю ситуацию, и чем массаж от борделя отличается.

— То ж для здоровья польза, — говорил я батюшке. — Когда поясницу ломит, промять ее хорошенько. Разве вам никто такого не делал? А ведь это уметь надо. И сами парни и девицы в одежде там будут. А раздеваться им придется только во время обучения — на ком-то им же надо отрабатывать навык. Вот друг на друге и будут. Раздельно по полу, так что и смущать никого это не будет.

— Мяли мне спину, сын мой, — вздохнул Феофан. — Поддержу я тебя. Понимаю, по дурости души крепостные тебя обидели своим недоверием. Рад, что ты в милости своей их розгами пороть не будешь. А епитимью на зачинщиков я наложу, не сомневайся.

— И тогда по иным деревням нам бы с вами проехать, — тут же решил я ковать железо, пока горячо. — Вдруг там тоже не все меня правильно поняли? Так сразу и объяснить все, пока чего не случилось.

— Сделаем, — кивнул батюшка.

После такой поддержки со стороны церкви в успехе подавления народного недовольства я не сомневался.

Возле дома старосты уже собралась небольшая толпа. Работы в полях закончены, более того — многие семьи сейчас к свадьбам готовятся, потому собрать людей Еремею было легко — ни за кем бегать не надо. Люди встретили меня угрюмыми лицами. Никто не пытался мне высказать что-то негативное, даже шапки заломили как обычно, но недовольство крестьян буквально висело в воздухе.

— Ну и кто тут смуту вносит? Кто людей обмануть пытается? — тут же начал я с «наезда». — Бунт учинить решили?!

От моих слов по толпе прошел шепоток страха. Но вот вперед вышла одна бабка — та самая «Дунька» — жена старосты.

— Барин, мы против тебя ничего не имеем, да только деток своих от разврата уберечь хотим.

— Кто тебе сказал про разврат? Али ты сама его выдумала, чтобы людей сбаламутить? — стал я на нее надвигаться. — Ну-ка, рассказывай, ты зачинщица? Решила против меня пойти?!

Бабка от моего грозного тона отшатнулась и даже перекрестилась.

— Барин, да ты что? Ни в жизнь я против тебя ниче не имела! Вот те крест! Вон, батюшка Феофан подтвердит! — ткнула она пальцем в священника.

— Да? А чего тогда народ собрался да на меня, как на ирода смотрит? Скажешь, не твоих рук дело?

Тут главное «зачинщиков» выбить, поставить в позицию оправдывающегося, а потом уже, сбив первый накал эмоций, можно вести разговор. До того момента меня никто и слушать не будет.

— Никого я ни к чему не подстрекала! — взвизгнула бабка. А от нее даже отшатнулись после моих слов, как от прокаженной. — За внученьку душа болит! Девица эта, служанка твоя бывшая, сказала, что девки и парни тебе требуются. Для утех господских ты их собираешь. И что я подумать могла?! Не хочу, чтобы Манька моя в бордель попала и билетной стала!

— Вот вы какого обо мне мнения, — покачав головой, обвел я толпу взглядом. — Неужто вам худого что сделал? Или строг был без меры? Или за сумасброда меня принимаете?

Отовсюду послышались выкрики, что это не так. Сначала не смелые, но с каждым мигом все громче и сильнее раздавались заверения крестьян, что они так не считают, и я неправильно их понял.

— Тогда с чего вы бабке старой поверили? — не обращая внимания на старуху, обратился я к остальным людям. — Почему всего у Пелагеи не уточнили? Не спросили ее, что от тех девок и парней требоваться будет? Или у вас своего ума совсем нет, чужим скудоумием пользуетесь?! Батюшка Феофан, — обратился я к священнику, пока крестьяне переглядывались, пряча глаза от стыда. — Я тебе все рассказал о своей затее. Противна ли она Господу Нашему?

— Нет, Роман Сергеевич, — покачал головой тот.

— Так скажи мне, считаешь ли ты правильным наказать подстрекателей к бунту за языки их злые?

Вот так. Эта бабка и все, кто у нее на поводу пошел, уже не защитники своих детей, а подстрекатели к бунту. Все это слышали. Дай бог, запомнят, как резко их роль поменялась, да в следующий раз не станут мне палки в колеса ставить из-за того, что не разобрались в моей задумке.

— Правильно, — под ожидающими взглядами людей, кивнул Феофан.

По толпе прошла еле заметная волна передвижений, после чего она «исторгла» из себя сразу трех человек. Ту самую жену старосты, еще одну бабку и какую-то тетку лет сорока. Вот значит, кто тут воду мутит. Запомню.

Священник тем временем вышел вперед и посмотрел на женщин. Те ответили ему испуганным взглядом. Поняли, что никто из остальных деревенских их сейчас не поддержит и ответ держать предстоит за свой поступок.

— За клевету и речи лживые налагаю на вас епитимью в виде двухсот поклонов каждой!

Бабки чуть за сердце не схватились. Еще бы! Двести поклонов совершить для них — подвиг. Как бы спина не отвалилась. Позже я правда узнал, что их совершают не за раз. Больше ста поклонов за раз ни с кого делать не требуют. Да и сто — это максимальное количество. Разобьют им наказание на несколько дней, зато будут кланяться и вспоминать, из-за чего эдакую «зарядку» получили.

На этом собственно весь разбор полетов и был завершен. Дальше я поблагодарил отца Феофана за помощь, да позвал к себе старосту и попросил того пригласить еще пару авторитетных мужиков. Лично сейчас им все объясню, чтобы никаких недомолвок не осталось, а потом, надеюсь, все же наберу себе работников в салон.

— Значит, — мрачно решил подытожить один из мужиков — Акинфей, — одну из девок наших ты, барин, щупать будешь? — и тут же он торопливо добавил, боясь, что я его не так пойму. — Мы поняли, что непотребства никакого в том нет, но ведь этой девушке потом под венец идти. И все будут знать, что ты ее голой видел и щупал во всех местах. Как ей жить потом? Баб языкастых у нас в деревне хватает, сам видел. Захотят загнობить, так никто их не остановит. И розги не помогут, уж прости за прямоту.

— Пелагея еще не все о массаже знает, потому и должен я сам и ее подучить, и другим науку показать, — вздохнул я. — Никак не обойтись без моего участия на первых порах.

— Барин, — обратился вдруг ко мне другой мужик — Фома, — я правильно понял, тебе без разницы, на ком тот массаж показывать?

— Почти, — кивнул я. — На парне показать могу, но все же спереди когда массаж делается, различия имеются. Да и в целом — промять парня тяжелее, чем девушку. Начнут с той же силой потом друг друга мять, эффект не тот получится.

— Это я понял, — степенно кивнул Фома. — Но можно же, чтобы ты не самих девок мьял, а кого из вдов? Вон, Агафья до сих пор мужика себе не нашла. Да и не ищет никого. И язык у нее подвешен так, что даже Серафима ее сторонится, а уж на что она языкастая баба! На ней сможешь свое мастерство показать?

— Почему бы нет, — пожал я плечами.

Мне и правда этот вопрос был не принципиален. А вот крестьянам очень важно было, чтобы молодую девицу никто из парней кроме мужа нагишом не видел. И это несмотря на «право первой ночи», которое пусть и в атрофированном варианте, но тут присутствовало. Большинство-то помещиков им уже не пользовались. Да и с крестьянами я общался не как самодур, от чего в принципе и стал возможен этот разговор. Мог ли я просто приказать им? Конечно. Вот только получил бы я тогда тех работниц, что мне нужны? Ой вряд ли. Сбагрили бы самых плохих со своей, крестьянской точки зрения. А потом просто руками разводили, когда те косячить начали бы. Да и в остальных делах начались бы пробуксовки. Я не забывал и о возможности «итальянской забастовки». К тому же не привык я совсем уж с позиции «кулаком по столу» работать. Если и требовал что-то в жесткой форме, то только зная, что работник с делом справится и ему лень или безалаберность мешает.

После моего согласия больше спорных моментов не осталось. Староста пообещал через час привести к поместью четырех будущих работников салона и ту самую Агафью, на которой я девушек учить массажу буду. Я вообще решил с каждой деревни потребовать по четыре кандидата — двух парней и двух девушек. Всего получится двадцать человек. Много, но всех я и не возьму в салон. Потребовал с запасом, чтобы выбрать лучших. В итоге оставлю десяток — пять парней и столько же девушек.

В поместье я вернулся морально вымотанным. Отец Феофан лишь понимающе усмехался, но в его глазах было одобрение. Не выкручиваю крестьянам руки, готов все объяснить и пойти навстречу, однако и на своем стою твердо. В глазах священника я набрал несколько очков уже личной репутации.

Настя оторвалась от разговора с моей мамой и поинтересовалась моими планами. А когда услышала, что вскоре я поеду в мастерскую давать первые уроки массажа, тут же выразила горячее желание поприсутствовать. Отказывать я не видел смысла. Даже порадовался в этот момент, что мужики из крестьян настояли на какой-то вдове, на которой я буду показывать свое мастерство. Громко сказано, но по сравнению с совсем несведущими в этом деле крестьянами я и правда «мастер» массажа.

— Ты знаешь, — протянула через полчаса Анастасия, когда на крыльце собрались мои будущие ученики вместе с Агафьей и Пелагеей, — пожалуй, я не буду вам мешать.

Я лишь мысленно улыбнулся. Мне стало понятно, что невеста рвалась на мое занятие лишь из ревности. А как увидела «модель», так все ее желание и пропало. Еще бы! Вдове Агафье хоть и было тридцать пять лет, но выглядела она не меньше, чем на пятьдесят. Мужики, когда сказали, что она «не ищет» мужа, сильно польстили женщине. Скорее от нее все потенциальные женихи шарахаются. Сутулая от сидячей работы, с седой головой, бородавкой на щеке и крючковатым носом. «Баба-яга на минималках», так бы я ее охарактеризовал. Однако процессу обучения ее внешность не помешает. Даже наоборот — как я думаю, все узлы, сформировавшиеся на ее теле в процессе работы, будут очень хорошо ощущаться под рукой.

— Ну-с, поехали, — отдал я команду.

И мы поехали. Точнее я с Пелагеей расположился в бричке, а все остальные пошли за нами пешком.

В мастерской игрушек нас уже ждали. Аленка первой встретила нас и проводила наверх. Тут уже успели и место подготовить. Просто сдвинули кровати к углам, а одну по центру оставили.

— Все не вместятся, поэтому если кто хочет посмотреть, чередуйтесь, — предупредил я мастериц. Обещал же им возможность посмотреть на занятие, надо выполнять.

Алена не растерялась и тут же взяла процесс формирования очереди в свои руки, так как любопытство охватило всех мастериц. К тому времени, как она закончила, уже и будущие ученики с Агафьей подошли.

— Итак, начнем, — скомандовал я. — Пелагея, поделись, что помнишь из моих наставлений.

— А мне раздеваться? — ехидно спросила Агафья.

— Всему свое время, — успокоил я ее.

Девушка тем временем послушно перечислила те моменты, которые я ей когда-то объяснял. Про необходимость использовать масло, чтобы кожу не «дергало» во время массажа. Не забыла про разминание всей поверхности спины в самом начале, а лишь потом переход к работе с проблемными участками. Выявление этих самых «проблемных» участков тоже проводится как раз во время первоначального «знакомства» с телом клиента. И про обязательную «заминку» — когда после массажа нужно «успокоить» разогретую растиранием поверхность легкими поглаживаниями.

— Все верно, — кивнул я и посмотрел на Агафью. — Вот теперь можешь раздеваться и ложиться.

Баба ухмыльнулась и молча выполнила мое указание. Да уж, и без одежды она не красавица. Грудь обвисшая, живот дряблый, только из-за физических нагрузок в остальных местах нет жира и целлюлита. А вот варикоз имеется, пусть и в слабой форме. Запустила она себя сильно.

— В салоне, где вы будете работать, — начал я свою лекцию, — посетители сначала будут париться в бане, а потом уж ложиться на кушетку под ваши руки. Потому у них тело будет не таким зажатым, как сейчас у Агафьи. В таком случае можно сократить «ознакомительную» часть. Но пренебрегать ей вовсе не стоит. Если же посетитель придет только на массаж, без посещения парной, то обязательно попросите его помыться. Работать вы должны только с чистым телом, запомните это накрепко. Если посетители будут отказываться, не бойтесь обращаться за помощью к старшему массажисту, в вашем случае — к Пелагее. А сейчас, начнем. Я показываю, после этого вы по очереди повторяете. Когда закончим с этим вводным занятием, закреплять знания будете друг на друге под руководством Пелагеи. Каждый день проводить массаж одному и то же человеку тоже вредно. Поэтому завтра будете тренироваться на работницах мастерской. Заодно и опыт работы с разными людьми разовьете.

Если в первые минуты собранные девицы еще краснели, смотря на обнаженную вдову, то вскоре все стеснение у них прошло. Зато крики и охи Агафьи разнеслись на всю мастерскую. Мышцы у нее были зажаты во всем теле. Вообще мне показалось, что она как сплошная натянутая струна в этом плане. Под конец занятия я попросил Пелагею и дальше привлекать Агафью в качестве «учебного пособия», чтобы девушки смогли в динамике посмотреть, как меняется тонус в мышцах после курса массажа.

А вот два парня, отобранных старостой для работы в салоне, пока были не у дел. Наверх в комнату я их запускать не стал, так как им предстояло работать с мужской аудиторией. Пришлось им ждать, когда я закончу занятие, и лишь после этого мы отправились на лесопилку. Там я решил привлечь в качестве «подопытных» для отработки навыка массажа работников лесопилки. И для парней обучение, и для работников польза. Единственное, что для них все это стало сюрпризом. Некоторые даже хотели отказаться от такой чести — стать для парней учебным материалом. Тут уж я привлек на помощь Михея. Он лучше знает, как и чем надавить на своих подчиненных. Я же просто устал что-то кому-либо доказывать и уговаривать. Лучше они один раз все прочувствуют на себе, потом же сами будут в очередь выстраиваться к парням на массаж.

Времени и сил на это первое занятие у меня ушло уйма. Даже обед пропустил. Но хотя бы женскую часть скинул на Пелагею. Навыков она не растеряла, основам обучит, а там уже перейдем от работы со спиной на остальные части тела. Мне же оставалось лишь натаскать в этом плане парней. И пожалуй, среди новых работников я выберу лучших учеников и поставлю их помощниками Пелагее. Одну среди девушек и одного среди парней. С такими мыслями я и вернулся домой.

— Сударь, приказать подать вам обед? — спросила меня Евдокия, когда я переоделся и вышел в зал.

— Да. Все уже поели?

— Час назад, — кивнула служанка.

Накладывала обед мне Прасковья. Покушав, я решил поинтересоваться у нее, какой торт она будет печь на второй тур конкурса.

— Я предложила Ольге Алексеевне три образа. Она пока в раздумьях.

— Вот как? И что конкретно ты предложила?

— Дворец, лебеда и вашу яхту, — тихо прошептала девочка.

— Мою яхту? — удивился я.

— Да, она очень красивая, — совсем засмузилась Прасковья.

— А дворец ты в атласе Людмилы какой-то увидела?

— Да, — такой же тихий ответ.

— А справишься? Все три варианта сложные в исполнении, — с сомнением покачал я головой.

— Мне Ольга Алексеевна разрешила использовать продукты для тренировки. Я уже пробовала из крема делать паруса. Из того, в который крахмал надо добавлять, чтобы он крепче стал. Получалось.

— Так ты у нас мастерица? И как же мимо моей мастерской прошла? — хмыкнул я.

Не ожидал, что у нее такие таланты.

— Возрастом не вышла, — ответила девчонка.

— Ольга Алексеевна не говорила, что бы хотела больше всего?

— Ей все три образа пришлось по нраву, — прошептала девчонка.

Вот оно что.

— А сколько времени тебе понадобится на создание хотя бы одного торта? Ты об этом думала? Успеешь ли?

— Барыня сказала, что у меня будет день на это, а не как в прошлый раз. Должна успеть.

— Ну ладно, — выдохнул я и встал из-за стола. — Спасибо за обед.

Прасковья покраснела от моей похвалы и поспешила убрать за мной посуду. А я отправился на задний двор проверять, готовы ли мишени. Корней не подвел и выполнил свое обещание. Три мишени уже стояли около бани. Осталось определиться, где их расположить, чтобы было безопасно для окружающих, и можно приступать к занятию. Вот пока я выбирал место ко мне и вышел отец.

— Роман. Тут почта пришла, и среди нее было одно письмо тебе.

— От кого? — удивился я.

— От госпожи Угорской.

Глава 5

28 — 30 сентября 1859 года

«Роман, у меня для тебя важная новость, прошу, отнесись к ней серьезно, — такими словами начиналось письмо от Маргариты Игоревны. — Один очень состоятельный человек ищет встречи с тобой. Настойчиво ищет. А он из тех людей, что добиваются своего. Об этом мне сказала Екатерина Савельевна. Не знаю, что у вас произошло, с чего ты решил держаться от нее подальше, но я прошу тебя выслушать ее. Она сейчас у меня в гостях. Надеюсь, что ты не отмахнешься от этого разговора. Если у тебя нет времени приехать в ближайшее дни в Дубовку, то напиши — готов ли ты принять ее в вашем поместье? М.И.»

Мда... Госпожа Совина не успокаивается. Да еще и какого-то «состоятельного человека» приплела. Или она не обманывает? Как бы то ни было, но отмахиваться от разговора будет глупостью. Вон, уже один раз отнесся легкомысленно к возможности повторного посещения разбойниками моей комнаты и едва жив остался.

Поэтому я сел за ответное письмо. В нем я написал, что собираюсь в Дубовку в пятницу и, если дело Екатерины Савельевны терпит, то пускай подождет меня пару дней. Если же там все очень серьезно, то я готов принять ее дома, но остаться на ночь она не сможет, пусть заранее учитывает это, когда отправится в путь. Запечатав письмо, я отправился искать Тихона. Парень нашелся быстро. Он таскал воду для кухни на тачанке. Хоть врач и посоветовал не нагружать парня из-за ранения, но вот в качестве «тягловой силы» он подошел хорошо. Поднимать ничего не надо, воду набирала Прасковья, а чтобы перелить из тачанки в бак и в бочки использовался помповый насос (и откуда он у нас вообще взялся? — наверняка отец подсуетился).

— Вот, — передал я ему конверт, — седлай Ворона и отправляйся в Дубовку. Передашь письмо Маргарите Игоревне. Потом сразу домой. Если не успеешь до темноты, то обратись к моей тете. Думаю, переночевать тебя пустят.

Заданию парень откровенно обрадовался. Еще бы! Тут ему скучно, а там — город, суета. Не просто так он на Белова работал, характер у него немного авантюрный и легкий на подъем.

Разобравшись с посланием Угорской, я вернулся к мишеням. Поставить их в итоге решил в стороне от поместья так, чтобы при стрельбе за мишенями было поле. Да, придется пройти до них, но это лучше, чем случайно кого-то подстрелить. А тут все видно и меня заметят издали. Дав задачу Корнею расставить мишени, я пошел звать отца. Он ведь тоже хотел пострелять.

— Почему здесь? — посмотрев на свои изгвазданные в мокрой земле сапоги, спросил отец.

От поместья мы удалились где-то на сто метров. Не так и далеко на самом деле. Однако из-за периодических дождей земля раскисла. Пока не слишком сильно, но встречались участки, где можно завязнуть. Тем более мы не по дороге шли, а практически по пашне. По ее краю, если точнее.

— Сам видишь — и стрельбой своей никого в доме не потревожим, и скотина от резких звуков не перепугается, и заметим, если кто на линии огня встанет.

Приняв мои аргументы, отец стал ждать, когда к нам подойдет Корней. Я в это время заряжал барабан револьвера. Ящик с патронами стоял здесь же, за ним бегать не надо.

— Готово, барин, — отчитался бывший унтер.

После его слов я вложил револьвер в кобуру. Расстояние до мишеней небольшое — всего-то двадцать метров. Хотя для данного револьвера приличное. Начать мы решили с почти предельной для него дистанции, а потом поближе подойдем. Я же захотел попутно проверить, как быстро смогу достать револьвер, взять его наизготовку и произвести выстрел. Почему-то

раньше мне в голову эта мысль не приходила. Видимо не отделял сам момент доставания оружия от всех остальных операций. Но после первой попытки пересмотрел свое мнение. Револьвер чуть не зацепился за полу пиджака, а мой палец уже лежал на курке и чуть дрогнул... Хорошо, что у данной модели тугой спуск! Иначе я мог бы себе что-то отстрелить. Зато теперь точно буду несколько минут в день тратить на то, чтобы научиться его быстро вынимать и убирать обратно. Ясно, что в разряженном виде.

После такого фиаско я решил не испытывать судьбу и остановиться только на стрельбе.

— Бах! — «кашлянул» револьвер.

Мишень даже не шелохнулась. Промых. Еще два выстрела ушли «в молоко». От досады я перевел прицел с правой конечности мишени на торс.

— Бах! — на этот раз пуля выбила щепки с левой от меня стороны «живота». А ведь я целился в центр!

Еще один выстрел, и снова попадание вышло левее. Прикинув получившееся отклонение, я перезарядил револьвер и опять перевел прицел на конечность мишени, чуть сместив его вправо.

— Бах! — на этот раз попал.

Отстреляв оставшиеся в барабане патроны, я передал оружие отцу.

— Неплохая точность, — заметил он, снаряжая барабан.

— Влево пули уходят. Примерно сантиметра на три, — поделился я своими наблюдениями.

— Учту.

Отец в отличие от меня целился в голову и торс мишени. Еще и Корнею приказал нарисовать на ней точки, чтобы в них пытаться попасть. Унтер справился с последним приказом мастерски — нашел жидкую кашицу и ее использовал в качестве «чернил» — вот что значит армейская смекалка!

После четвертого опустошенного барабана пришлось чистить оружие. А то нагар скопился такой, что могли пойти осечки и что-нибудь еще похуже. Приказчик в лавке меня об этом предупредил и я не стал отмахиваться от его слов. Пока я чистил взятой с собой ветошью револьвер, Корней убрал расстрелянную мишень и вместо нее поставил новую.

Вернулись в дом мы спустя два часа. Палец ныл от непривычной нагрузки — все-таки спуск у револьвера уж очень тугой. Но в остальном я был доволен. Оценил свою точность, понял, как вести свои тренировки дальше, да и уверенность появилась, что совсем уж не промахнусь при необходимости. На дистанции в десять метров рассеивание было в разы меньше и если бы не усталость в руках, то промахов бы и не было. А так — примерно один из пяти выстрелов уходил в «молоко».

Вечером же меня ждал сюрприз. Настя уговорила отца через маму растопить баню. А когда она помылась, то вместе с Людой пришла ко мне в комнату.

— Роман, я хочу проверить лично, чему ты учишь на этих курсах молодых девиц, — заявила невеста. — Отвернись.

Сестрица лишь смеялась в кулачок, смотря на требовательное лицо Насти. Пришлось подчиниться. И чего я там не видел? После разрешения вновь обернуться, я застал девушку лежащей голенькой на моей кровати животом вниз.

— Приступай, — покровительственно сказала Настя.

— А ты так и будешь здесь сидеть? — покосился я на сестру.

— Конечно, — даже удивилась она. — А как иначе?

— Вуайеристка, — раздосадовано пробурчал я себе под нос.

— Что ты сказал, братец? — переспросила Люда.

— Смотри и учись, будешь потом мужу будущему так делать, — ответил я.

Но пусть ничего кроме массажа я сделать сейчас с Настей не мог, да и руки мои гудели от усталости, все равно было приятно. Еле сдерживал себя, чтобы не похулиганить. Уходила Анастасия с блаженной улыбкой на устах, а сестра смотрела на нее очень задумчиво. Не удивлюсь, если завтра она побежит в мастерскую брать уроки у Пелагеи.

На следующий день первым делом я отправился к отцу Феофану. Митрофан уже запряг тарантас, и все было готово к тому, чтобы мы с батюшкой посетили деревни с разъяснительной беседой. Но то ли я до этого все доступно сумел объяснить «на пальцах», какие обязанности будут у будущих работников, то ли здесь не оказалось своих «Дунек», однако при нашем визите крестьяне встречали нас с удивлением и радостью. И никакого негатива! Даже приходилось специально пояснять, с чего вообще мы решили их навестить. Дополнительно я попросил в каждой деревне найти в помощь ученицам «наглядное пособие» из вдов вроде Агафьи. Все-таки дворянки и купчихи, которые будут посещать салон, дамы не молодые. Пускай девушки заранее к этому привыкают. Заодно основные болезненные области узнают. У парней с этим проще — мужики вообще не столь привередливы и сомневаюсь, что купец или аристократ будет жаловаться, что его плохо промяли. А если будет, проведу повышение квалификации среди работников.

Попутно я сформировал некий «график» посещения мастерской будущими работниками салона. Все, теперь осталось лишь время от времени заходить туда, чтобы контролировать процесс, да поправлять ошибки.

До конца дня я занимался обучением парней. У них своей «Пелагеи» не было, поэтому приходилось больше внимания мне уделять их обучению. Дальше проще пойдет. Первая пара учеников будут передавать свои знания парням из других деревень. В конце проведу что-то вроде выпускного экзамена и выберу лучших.

С чувством выполненного долга я вернулся домой. Тихон тоже приехал и сообщил, что Совина будет ждать меня у Маргариты Игоревны. Ну и отлично.

Лесопилка, комната отдыха

Прохор не хотел участвовать в этой барской забаве — чтобы раздеваться перед двумя недорослями, которые его потом мять будут. Но против приказа мастера не попрешь. Михей — мужик жесткий. Сразу предупредил, что кто откажется, того выпнут пинком под зад обратно в деревню. И все, прощай такой хороший приработок, что позволит ему и отрез жене прикупить на сарафан, и себе махорки взять. Желających попасть работником на лесопилку полно, особенно сейчас. Впереди не только зима, когда в полях работы нет, но и нового народа барин набрал у соседа. Те вообще пока лишь его милостью живут — ни кола, ни двора, ни земли своей. Вот уж кто с радостью заменит Прохора, только помани.

Нет, была бы на месте тех недорослей девка какая справная, то Прохор и не артачился бы. А что? Лежишь, а тебя красавица ласкает своими руками. Как говорится — и вдоволь и без греха! Но тут... Хорошо хоть барин уже уехал.

Зайдя в комнату отдыха, мужик исподлобья глянул на двух парней. Молодые исчо, даже двух десятков не разменяли. Тяжко вздохнув, Прохор скинул одежду и лег на кровать, которая стояла по центру комнаты.

— Приступайте, ироды, — буркнул он.

Один из парней взял со стула кусок сливочного масла и отщипнул от него чуть-чуть. После чего растер по рукам и начал медленно, как учил господин, втирать его в кожу.

— Чего ты меня гладишь? — раздраженно рыкнул Прохор. — Ты чай не баба, да и я не девка. Сказали — мять будешь, так и мни!

Сам Прохор был выше обоих парней, да и статью не обижен, поэтому производил впечатление. Да и голос у него был — дай боже каждому командиру. Если бы не взрывной характер,

так мог бы и выбиться в помощники того же Михея, или в родной деревне стать правой рукой старосты. Неудивительно, что парень от его рыка вздрогнул и принялся работать интенсивнее. И это несмотря на предупреждения господина, что так делать не стоит. Роман Сергеевич говорил — только после бани, когда тело у человека распарено и расслаблено, можно «вводную» часть массажа сократить. Но тут Андрейка, как звали парня, решил пренебречь этим — ведь лежащий мужик сам о том просит, да и страшный он.

Парень стал сильнее тереть спину мужика.

— Я что сказал тебе? Сильнее мни, а то я не чувствую ничего, — продолжил напирать Прохор, который хотел побыстрее закончить с этой барской причудой.

Андрейка еще усилил напор и нащупал пару бугорков — мест, где мышцы защемило, либо они находились в чрезвычайно напряженном состоянии. Такие нужно проминать постепенно, но парень не хотел слышать новый окрик мужика. Вот и надавил на один из бугорков со всей силы.

— А-А-А!!! — раздался дикий крик Прохора.

Мужик вскочил с кровати с бешеными, налитыми злобой глазами.

— Замучить меня захотел, ирод?! Н-на! — от души врезал он Андрейке, от чего парня унесло к стене.

Второй ученик попятился от взбешенного Прохора, а на крик мужика прибежали пара работников лесопилки и сам мастер.

— Ноги моей здесь больше не будет! — кричал Прохор, одеваясь. — Эти душегубцы примучить меня хотели! Хошь — выгоняй, — крикнул Михею Прохор, — а я в этой дурости барской боле не участник!

— Роман Сергеевич, — оторвала меня от рисования картины Евдокия. — Тут к вам работник с лесопилки прибежал. Говорит, его Михей до вас послал. Сказать что-то хочет.

Я отложил кисть и вздохнул. Что там случилось-то? У меня наконец свободное время появилось, и я решил написать еще одну картину для своей будущей галереи, а тут отрывают.

На пороге стоял молодой парень — один из будущих массажистов. Иваном его, как помню, зовут.

— Барин, меня мастер Михей послал до вас, — выдохнул он.

Видно было, что парень бежал и только сейчас немного успел перевести дух, пока служанка мне доклад делала. Что меня конечно насторожило.

— Что стряслось у вас?

— Прохор Андрейку приложил, да отказывается вам повиноваться!

Черт, да что там за беда-то? Никакого Прохора я не знаю, но по логике — скорее всего кто-то из работников лесопилки. Неужто Михей не сумел все же убедить кого-то поработать «манекеном» для ребят? Других причин для неповиновения я не вижу.

— Жди, — бросил я парню, а сам пошел к Митрофану. Пускай седлает мне коня, а лучше — бричку. Не ждать же мне, пока этот Иван за мной бежать будет?

К лесопилке я подъехал спустя полчаса. Запрячь коня — дело небыстрое. Да и ехать тут не меньше десяти минут надо даже по хорошей дороге.

На лесопилке все работали как обычно. Если бы не прибежавший ко мне Иван, так сразу и не скажешь, что здесь кто-то протест решил устроить. Михей меня уже встречал у ворот.

— Роман Сергеевич, прошу за мной.

— Что произошло? — задал я вопрос, двигаясь в комнату для отдыха.

Версию Ивана я уже выслушал. Теперь хотел послушать, что мне мастер скажет.

— Я всех работников лесопилки в очередь поставил, чтобы ваши салонные могли обучаться на них. Когда вы уехали, очередь Прохора подошла. Он один из тех, кому это не по нраву было. Но все же послушался. Поначалу все нормально шло, а потом дикий крик на всю

лесопилку раздался, будто убивают кого-то! Ну, мы тут же побежали туда, кто свободен был. Я тоже туда ломанулся. Прибегаем, а там ваш Андрейка на полу лежит с бланшем под глазом, а Прохор кричит, что готов в деревню свою вернуться, лишь бы снова к вашим ребятам в руки не попасть. Коновалами их обзывал, — скороговоркой рассказывал Михей.

В комнате отдыха сидели трое. Андрейка и еще два мужика. Мастер не соврал — под глазом у второго ученика наливался синевой огромный синяк. Один мужик смотрел на него волком, а второй находился меж ними, видать для подстраховки — чтобы не подрались.

— Ну и кто тут Прохор? — спросил я, хотя уже успел догадаться по их позам.

— Я, барин, — мрачно поднялся тот мужик, который на Андрейку волком смотрел.

— Теперь ты мне все рассказывай. А я уже потом судить буду.

— За что судить? — буркнул мужик. — Я все исполнил, как и было приказано. Если хотите кого осудить, так недорослей своим ум вправьте.

— Да? — хмыкнул я. — А они уже мой приказ выполняли. И мне тут сказали, что ты его дурным считаешь. Коли так, то и я получается дурень? Чего молчишь?

— Нет, барин, — упершись взглядом в пол, буркнул Прохор. — То от боли вырвалось. Не умеют они ниче, только ломать.

— Так для того и учатся, чтобы уметь, — заметил я.

Дальнейшее разбирательство выявило, что Прохор сам виноват в произошедшем.

— А вот скажи мне, Прохор, ты каким делом на лесопилке занят?

— Бревна подаю на пильную раму, — с удивлением ответил он мне.

— Хорошо подаешь?

— Никто не жаловался. Пилу не клинит, в простоях не замечен, — гордо выпятил тот грудь.

— Так почему бы тебе тогда быстрее это не делать? Тогда бы и распилов больше было, глядишь — Михей Авдотыч тебе бы и премию дал, али у нас попросил за тебя.

— Дык, нельзя так делать.

— Почему? — ласковым тоном спросил я мужика.

— Пилу заклинить может. Тогда не ускорение будет, а убыток один.

— Так с чего ты, дурак лапотный, решил будто лучше знаешь, как парням тебе спину мять?! — рывкнул я на него, от чего тот аж побледнел. — Или ты сам кому спину мять для здоровья? Так ты скажи мне, мил человек, будь любезен. Что молчишь? Говори, мять ты кому спину не в драке, а для здоровья?!

От моего крика и бешеного взгляда, тот сжался весь, а глаза у него налились кровью. И хочет мне врезать, да понимает ту пропасть социальную, что меж нами лежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.